

К. Н.
ЛЕОНТЬЕВ

Сочинения

Константин Николаевич Леонтьев

О либерализме вообще

«...лучше ли стали люди, выше, *полнее ли* прежнего с тех пор, как осторожное и «постепенное» выветривание и подмывание демократического прогресса разрушает все больше и больше великолепные здания религиозных и сословных государств?

Или, может быть, люди, утратив некоторые старые доблести, стали при новых порядках гораздо счастливее прежнего?

Нет! Они не стали ни лучше, ни умнее, ни счастливее!.. Они стали мельче, ничтожнее, бездарнее; учение в массе, это правда, но зато и глупее...»

Содержание

I.....	.0005
<II>.....	.0014

**Константин Николаевич
Леонтьев
О либерализме вообще^{1}**

Варшава, 9 января

В предыдущих статьях наших мы старались разъяснить, что мы понимаем под словами *русский консерватизм, русское охранение*[1]. Сегодня мы будем говорить о противоположном принципе так называемого *либерализма*.

Мы говорим *либерализм – просто*, не прибавляя эпитета *русский*. Это преднамеренно и понятно.

Все созидующее, все охраняющее то, что раз создано историей народа, имеет характер более или менее обособляющий, отличительный, противопологающий одну нацию другим... Все либеральное – бесцветно, общеразрушительно, бессодержательно в том смысле, что оно одинаково возможно везде.

Английский прежний, аристократический конституционализм – консервативен, ибо он возможен только в Англии и обособлен; во всех других государствах этот самый созданный Англией вид консерватизма принимает разрушительный характер. *ибо он демокра-*

тизируется по условиям исторической почвы. Охранение в странах католических иное, чем в нациях православных; консерватизм турок не похож на охранение буддистов; но либерализм везде одинаково враждебен тем историческим началам, в дисциплине которых вырос тот или другой народ. Либерализм есть отрицание всякой крайности, даже и самой высокой, всякого стеснения, всякого стиля. Он везде один, везде одинаково отрицателен, везде одинаково разлагает нацию медленно и легально, но верно... И чем честнее либерализм, чем он искреннее, чем неподкупнее, – тем вреднее. С такими либералами, которые ищут лишь в «мутной воде рыбу ловить», сладить легко. Но что делать с людьми, искренно верующими в те «великие принципы <17>89 года»^[2], которые теперь распространились везде и признаются аксиомой социальной жизни?..

Свобода!.. Освобождение!.. Но отчего и во имя чего? Во имя каких это новых созидующих, т. е. стеснительных, принципов? Христианство, например, способствуя столь сильно расторжению стеснительных уз древнего

гебраизма, римской государственности, эллинистических преданий и обычаев, предлагало миру новую дисциплину, новые несравненно более суровые стеснения.

Где подобные организующие (т. е. ограничивающие) задатки в современном космополитическом, равно всюду приложимом либерализме? Их нет, этих задатков!

Свобода для свободы, *habeas corpus*^[3] и т. п., свобода делать все, *кроме зла...* Но что такое зло – разве это так уж ясно?..

Законность?.. Но гражданский закон сам за собою не признает незыблемого характера религиозного догмата... Он меняется... И еще вопрос – лучше ли стали люди, выше, *полнее ли* прежнего с тех пор, как осторожное и «поэтапное» выветривание и подмывание демократического прогресса разрушает все больше и больше великолепные здания религиозных и сословных государств?

Или, может быть, люди, утратив некоторые старые доблести, стали при новых порядках гораздо счастливее прежнего?

Нет! Они не стали ни лучше, ни умнее, ни счастливее!.. Они стали мельче, ничтожнее,

бездарнее; учение в массе, это правда, но зато и глупее.

Ибо глупо, например, так слепо верить, как верит нынче большинство людей, по-европейски воспитанных, в нечто невозможное, в конечное царство правды и блага на земле, в мещанский и рабочий, серый и безличный земной рай, освещенный электрическими солнцами и разговаривающий посредством телефонов от Камчатки до мыса Доброй Надежды... Глупо и стыдно, даже людям, уважающим *реализм*, верить в такую *нереализуемую* вещь, как счастье человечества, даже и приблизительное... Смешно служить такому идеалу, несообразному ни с опытом истории, ни даже со всеми законами и примерами естествознания. Органическая природа живет разнообразием, антагонизмом и борьбой; она в этом антагонизме обретает единство и гармонию, *а не в плоском унисоне*. Если история есть лишь самое высшее проявление органической жизни на земле, то и тогда разумный реалист не должен быть ни демократом, ни прогрессистом в нынешнем смысле. Нелепо, оставаясь реалистом в геологии, физике, бота-

нике, внезапно перерождаться, *на пороге социологии*, в утилитарного мечтателя. Смешно, отвергая всякую положительную, ограничивающую нас *мистическую ортодоксию*, считая всякую подобную веру уделом наивности или отсталости, поклоняться *ортодоксии прогресса*, кумиру поступательного движения...

Нет никаких верных, *научных* данных на то, что это быстрое поступательное движение человечества, этот полет стремглав, без тормозов и парашютов, не есть безвозвратное падение в страшную бездну отчаяния...

Можно, пожалуй (при некоторой ограниченности ума и при слабости общих познаний), *верить сердцем* в спасительность эмансипационного прогресса, охватившего человечество с конца прошлого века, и можно *не верить* в пользу этого либерального прогресса⁽⁴⁾. Но мы спрашиваем: где научный, точный критерий, который давал бы нам вполне надежные основы для подобной утешительной веры?

Их нет для темного и страшного грядущего; их нет и в настоящем.

В настоящем – гражданская равноправ-

ность и всеобщая юридическая свобода хотя и чрезвычайно велики во всей Европе и в Америке, сравнительно с веками феодализма, религиозных стеснений и рабства, но действительного, ощутительного, субъективного, так сказать, благоденствия или счастья – «равенство и свобода» эти не дали никому.

Явилось новое зло, распространились новые страдания, непредвиденные, неожиданные, неизвестные, страшные. Все человечество тоскует; оно «скучает», как «скучала», по словам Ламартина, либеральная (и только либеральная), мирная Франция Людовика-Филиппа и Гизо. Люди, по мере развития эмансипационного прогресса, становятся везде впечатлительнее, требовательнее; претензий в толпе больше, но удовлетворить всем этим претензиям еще не найдено средств и, вероятно, не найдется.

В газетах и книгах всех стран мы беспрестанно видим слова: «благоденствие», «благо народа», «le bien-être matériel et moral de l'humanité»...^{5}

Но если не считать венцом блаженства быстроту сообщений, теплые вагоны, разные

удобства и право, данное почти везде депутатам, мешать своим правительствам делать дело, то этого *настоящего* «bien-être»^[6], выражающегося не во внешних только удобствах и не в одних правах на политическую болтовню, а во внутреннем более или менее сознательном довольстве судьбой, мы не видим нигде.

Разрушив все старое, подкопавшись под все прежние верования, демократический либерализм не дал взамен ничего созидającego и прочного... Ибо хотя вечного на земле нет ничего, но существуют явления сравнительно очень прочные. *Прочно же у людей именно то, что по существу своему противоречит демократической свободе и тому индивидуализму, который она обуславливает. Смесь страха и любви – вот чем должны жить человеческие общества, если они жить хотят... Смесь любви и страха в сердцах... священный ужас перед известными идеальными пределами; любящий страх перед некоторыми лицами: чувство искреннее, а не притворное только для политики; благоговение при виде даже одном иных вещественных предметов,*

при виде иконы, храма, утвари церковной...

Вот что созидает нации, вот что их единит, ведет к победам, славе и могуществу, *вот что задерживает их падение надолго далее и тогда, когда падение это вследствие развития демократического индивидуализма становится неотвратимым* в более или менее далеком будущем...

Но страха этого, страха *вольного* и принципиального не хотят либералы; они его считают несовместным с *достоинством* современного мещанина, и всякий, самый плачевный в своей демократической ограниченности, свободный швейцарский гражданин им кажется выше, чем император Феодосий Великий, который в Милане не смел взойти в церковь, пока ему не разрешил этого святой Амвросий...^{7}

Хорошо *достоинство*, которое поставило идеалом человечеству *современного европейского труженика средней руки... и только!..*

Жалкий идеал!.. Жалкие люди... И чем искреннее, чем честнее, чем убежденнее, тем они хуже и вреднее в своей наивной умеренности, в своей тихо и кротко разрушительной

«постепеновщине». Их неловко карать, преследовать, казнить... Но в «легальной безопасности» своей они для будущего опаснее отъявленных злодеев, против которых у всякого государства есть меч, есть каторга, изгнание...

Но что делать с невинными и честными разрушителями?.. Как их убедить?..

Варшава, 10 января

Выстрел повивальной бабки Засулич был действительно роковым «выстрелом», как выразились тогда некоторые из органов петербургской печати (кажется, «Голос»). Он был сигналом поворота для многих; но поворот этот оказался противоположным тому, которого ожидали восхищенные поклонники преступницы, присвоившей себе право казнить заслуженных государственных деятелей. Борьба с тех пор стала открытой и беспощадной. Правительство было вынуждено, наконец, карать сурово отъявленных врагов государственного порядка. Испуганные либералы стали осторожнее, многие из них готовы даже считать себя консерваторами только потому, что они враги преступных крайностей. Но (увы!) идеал их все тот же – идеал «постепенного» прогресса, т. е. легального шествия к невозможному *царству блага и всеобщей правды на земле...* Зло так же присуще нравственной природе человека, как боль и страдания его телу. Но вера либералов и мирных

прогрессистов слепа. Иные из них, например, думают, что все было бы хорошо, если бы у нас, как везде, была конституция: как будто бы в других странах конституция сделала людей добрее, умнее, честнее, здоровее и сытее!.. Другие жалуются на биржевую игру, на взятки в новой современной форме, на ошибки администрации, на бездеятельность того или другого земства, на «непроизводительные» затраты... на грубое господство денег... На что только не жалуются у нас люди!.. Но скажите этим «мирным» друзьям свободы и равенства, что все эти явления, возмущающие их «легальные» и европейские сердца, суть не что иное, как плоды того «общечеловеческого эмансипационного» прогресса, который они чтут столь ребячески и слепо, – они засмеются над вами или вознегодуют на вас. Они скажут: «движение назад невозможно»... и успокоятся опять на том же, допуская, пожалуй, казни и всякие карательные меры против явных анархистов и убийц и вместе с тем продолжая бессознательно готовить почву будущего для их преступных действий. Подобного рода люди (а их, к несчастью, вели-

кое множество везде в наше время) похожи на дурно обученных или недобросовестных врачей, которые прижигают, режут и вообще лечат одними наружными средствами, не заботясь о внутреннем худосочии, производящем ужасающие язвы...

Наставники юношества, профессора и педагоги продолжают, вероятно, по-прежнему, как ни в чем не бывало и без *необходимых оговорок*, колеблющих доверие к *самим основам человеческой науки*, толковать ученикам об *этих вещественных атомах*, которых в сущности *вовсе нет и быть не может*, и с ранних пор парализуют метафизический полет молодого ума этою проповедью ложной атомистической теории. Ибо стоит только юноше сказать себе: *«я не знаю, что такое вещество, и никогда не узнаю здесь на земле»*, чтобы шаг за шагом, от сомнения в твердости и точности всех научных основ он бы скоро дошел до веры в дух, от веры в дух до веры в личного Бога, от веры в личного Бога до искания *форм* сношения с ним, до *положительной религии*; от положительной религии до живого патриотизма, до «страха Божия», до

любви к предрержащим властям; ибо истинное христианство учит, что какова бы ни была, по личным немощам своим, земная иерархия, она есть отражение небесной. «И ангелы не равны между собою», – говорит Церковь^{8}... Но атомистическая теория вещества, предлагаемая не в виде только необходимой для реальных наук метафизической уловки, а в виде чего-то ясного и незыблемого, спускает надолго, если не навсегда, перед мысленными очами молодого человека точно какую-то завесу, какую-то грубую ткань из маленьких черных точек, за которой он уже ничего далее не видит!

Конечно, материализм общего мирозерцания вовсе не должен бы влечь за собою неизбежно либеральных и прогрессивных воззрений на социальную жизнь. Прямой и ясной логической связи нет между верою в Бюхнера и верою в исправимость и счастье человечества, между поклонением одной матери и желанием поставить всех людей в одинаковое положение умеренного и равноправного благополучия. Были материалисты, которые ненавидели демократический про-

гресс и презирали его прозаические надежды. Но это были почти всегда люди высокого, изящного ума и обширных познаний, люди, до которых очень далеко не только большинству учащихся, но и многим из ученых (но во все не особенно умных) наставников их...

Прямой и положительной, логической нити нет, сказали мы, между материализмом и верою в прогресс; но есть (именно вследствие слабости и несвязности мысли у большинства людей) между ними какое-то историческое совпадение. Излишнее поклонение реальной науке влечет за собою чрезмерные надежды на всемогущество человеческого разума; а если разум всемогущ, то отчего же бы ему не довести людей на земле до возможного совершенства и счастья? Надо только, если *не вдруг* и *не насильем*, *то постепенно*, устранить все препятствия. Не надо штурма! Штурм не расчетлив, он *пробуждает уснувшую реакцию*, а нужен тихий, медленный, но верный подкоп.

Эгалитарная монархия лучше сословной, конституционное государство лучше абсолютного (где «живая воля, живая душа», по

прекрасной мысли Гоголя, стоит выше деревянного закона)... К тому же большинство везде не мыслит, а движется лишь каким-то смутным *подобием* мысли. Всякая идея тогда только и господствует, тогда только именно и правит событиями, когда она перешла почти в инстинкт.

Умеренный либерализм оттого так и силен в XIX веке, что большинство либеральничает так же полусознательно, как мужик полусознательно крестится и держит посты.

Но ни сила, ни успех – вовсе еще не искомая истина и вовсе не благо. И холера – сила, и адвокаты революционного стиля имеют у нас блестящий успех!.. Но ни в азиатской холере, ни в европейских речах каких-нибудь Александровых мы не обязаны видеть ни благо, ни искомой истины.

«Так думает большинство...» Но большинство есть не что иное, как «собирабельная бездарность», сказал прекрасно Дж. С. Милль, почитаемый сам за прогрессиста.

Еще одно обычное изречение этих умеренных людей: «Мы против всяких крайностей, против всякого насилия, сверху ли оно или

снизу...».

Если это ваш личный темперамент, ваша кротость, ваша доброта, – мы готовы чтить эти прекрасные личные свойства; но не возводите, ради Бога, потребностей вашего сердца в государственный и общественный принцип.

Государство обязано всегда быть грозным, иногда жестоким и безжалостным, потому что общество всегда и везде слишком подвижно, бедно мыслью и слишком страстно...

Вы возразите: «Что ж!.. Мы не мешаем карать и казнить нарушителей закона и порядка. Дайте нам только в частном покое и мирном труде *постепенно готовить будущее царство разума и правды...*».

Готовьте! Готовьте, честные граждане, готовьте будущее! Учите детей ваших роптать на власти, учите их тому, что прежде всего надо быть каким-то «честным человеком», а религию, например, может иметь всякий свою... Учите их не любить *никаких* крайностей, учите набожность звать ханжеством, возмущаться *религиозным фанатизмом*, преданность службе царской и почтение к на-

чальству считать низкопоклонством... Пренебрегайте en principe⁽⁹⁾ чинами, орденами... В земских собраниях играйте в легкую, но все-таки оставляющую следы свои на делах оппозицию...

Готовьте, готовьте будущее! Рассылайте по народным школам анатомические атласы, чтобы крестьянские дети, эти *граждане прекрасного грядущего*, узнали бы скорей, что *души у человека нет нигде*, а все одни *нервы и нервы* (а если все нервы – то зачем идти на исповедь и слушаться станового?)... Беспокойтесь прежде всего о том, чтобы простолюдин не думал, что «земля на трех китах стоит»... Это ведь такое преступление, такое несчастье, *что мужик на вас еще не совсем похож!*.. Спешите, спешите скорее снять с него его яркую и живописную рубашку и наденьте на него траурную, мрачную блузу или серую жакетку европейского «уврие»...⁽¹⁰⁾

В судах по-прежнему старайтесь вести эту *наглядную и иллюстрированную «пропаганду свободы»*. Мировые судьи! сажайте в тюрьмы хозяек, обруганных горничными, как вы сделали с г-жою Энкен... Защитники юношей в

политических процессах! продолжайте говорить, что русским молодым людям можно простить нигилистические заговоры, демонстрации и бунты, что у них нет другой героической поэзии (как будто не было и нет героической поэзии в наших Кавказских битвах, в <18>12 году, и теперь, в Туркестане и Болгарии, под царскими знаменами?!)..

Литераторы! пишите, пишите, пишите больше... и все в том же духе! Продолжайте, русские граждане, ваш труд «легального, постепенного и мирного разрушения»...

И что вам за дело до будущего?.. На ваш век, быть может, хватит еще одного либерализма, чтоб не впасть в те резкие крайности прогресса и реакции, которых вы так боитесь...

Après vous le déluge!..^{11}

Повторяем еще: если вы наивны, то вы жалкие люди, глупые люди, презренные люди! Если же вы лукавы, то вы гораздо вреднее и преступнее тех, которых вы сами теперь с испуга соглашаетесь казнить...

Тонкий, медленный, неотразимый яд страшнее железа и огня!

Примечания

1

Эти статьи принадлежали другому автору, которого я называть по имени без его разрешения не имею права. – *Примечание К. Н. Леонтьева 1885 г.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

В конце 1879 г. К. Н. Леонтьев получил от князя Н. Н. Голицына, редактора «Варшавского дневника», предложение о работе в качестве сотрудника газеты. Приняв это предложение, он отправился в Варшаву. Здесь в написании передовиц газеты «Варшавский дневник» выкристаллизовывалось консервативное мирозерцание К. Н. Леонтьева, перу которого принадлежали, в частности, публикуемые в настоящем издании такие статьи, как «О либерализме вообще», «Панславизм», «Религия – краеугольный камень охранения», «Чем и как либерализм наш вреден?».

[^^^]

2

Принципы «свободы, равенства и братства» – основные принципы Французской буржуазной революции 1789–1791 гг.

[^^^]

3

Habeas corpus (лат.) – располагай своим телом. Закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом (1679).

[^^^]

Мировоззрение К. Н. Леонтьева покоится на бесконечно дорогой ему «гипотезе» (законе) жизни и смерти всякой органической целостности: «Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне, потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением» (см. статью «Византизм и славянство» в настоящем издании). В жизни всякого организма он выделял три периода: *первичной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения*. К. Н. Леонтьев указывал, что западноевропейские теоретики прогресса, а вслед за ними и русские западники объясняли лишь первый, так называемый оптимистический период – от простого к сложному, к *цветущей сложности*. Но никто еще «с твердостью здравого ума» «не разобрал», что есть прогресс и регресс? И западные теоретики, и русские либералы умалчивали о втором, необходимом и неизбежном периоде всякого органического развития – периоде смесительного упроще-

ния, периоде «упрощения», дряхлости и, в конечном счете, гибели общества, тем самым искажая взгляд на естественный процесс общественной жизни. Эгалитарно-либеральный прогресс (*франц.* egalite – равенство К. Н. Леонтьев понимал не иначе как дряхлость, уродство, гибель красоты, которые связаны с былым цветением культуры) порождает бесцветную, унифицированную культуру, которая для него вовсе и не культура, ибо лишается национальной индивидуальности. Цель эгалитарно-либерального прогресса – «средний человек», т. е. стандартный человек – нездоровое существо этого мира, враждебное ему, ибо оторвано, обособлено от истории и противостоит ей в качестве «орудия всемирного разрушения». Опыт толпы, массы, в которой обитает «средний человек», заменяет ему историю культуры. Для него нет «священных ценностей» и нет истории, для него есть однообразное настоящее и будущее.

[^^^]

5

Le bien-être matériel et moral de l'humanité (*франц.*) – материальное и моральное благосостояние человечества.

[^^^]

6

Bien-être (*франц.*) – благосостояние.

[^^^]

7

Согласно церковному преданию, епископ Милана Амвросий в один из праздничных дней 390 г. преградил вход в миланский собор императору Феодосию I, обличив его в жестоком убийстве семи тысяч невинных жителей Фессалоники.

[^^^]

8

Горний мир, как и земной, также иерархичен. Так, от высших ангельских чинов, владеющих божественным просвещением, приемлют низшие чины.

[^^^]

9

En principe (*франц.*) – в принципе.

[^^^]

10

Ouvrier (*франц.*) – рабочий.

[^^^]

11

Après vous le déluge! (*франц.*) – после нас хоть потоп!

[^^^]

[^^^]